

Г. В. Грошева

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА УРОВНЕ ЭТНОГОСУДАРСТВЕННЫХ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ (РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ, РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ, РЕСПУБЛИКА ТЫВА)¹

Статья посвящена изучению процессов формирования региональной идентичности на уровне этногосударственных субъектов Российской Федерации в контексте проблемы сохранения этнополитической и этносоциальной стабильности. На примере республик Южной Сибири (Хакасия, Алтай, Тыва) выявляются основные тенденции формирования региональной идентичности. Определена роль этнополитического и этнокультурного факторов в формировании регионального самосознания населения южносибирских республик Российской Федерации.

Ключевые слова: региональная идентичность, этническая государственность, Республика Хакасия, Республика Алтай, Республика Тыва, современная идеология тюркоязычных народов Южной Сибири, хакасский этнос, алтайский этнос, тувинский этнос.

Актуальность исследования процессов формирования региональной идентичности на уровне этногосударственных субъектов Российской Федерации в 1990–2000-е гг. тесным образом связана с проблемами сохранения социальной и политической стабильности в региональных сообществах, консолидации полиэтничного населения республик и снижения дестабилизирующего потенциала этнического фактора.

Проблема формирования региональной идентичности в современной отечественной историографии получила широкое освещение: от разработки теоретических вопросов, связанных с изучением феномена региональной идентичности и процессов ее формирования на общероссийском уровне (Г. С. Корепанов [1], Л. В. Смирнягин [2], Н. Петров [3], А. С. Мелешкина [4] и др.) до исследований различных аспектов ее формирования на уровне отдельных субъектов Российской Федерации (Л. В. Сагитова [5], А. Албанви [6], Ц. Чойропов, Е. Голубев [7], Ч. К. Даргын-оол [8], Ю. А. Евстигнеев [9], Г. В. Грошева [10] и др.). В то же время необходимо отметить отсутствие комплексных сравнительных исследований процессов формирования региональной идентичности в контексте проблемы социального согласия на уровне этногосударственных субъектов Российской Федерации, в частности в республиках Южной Сибири.

Цель данного исследования – выявление направленности и содержания процессов формирования региональной идентичности в республиках Хакасия, Алтай, Тыва и определение роли этнического фактора в этих процессах.

Как известно, спецификой российского федерализма является сочетание двух принципов органи-

зации федеративных отношений – территориального и этнического. Федеративный договор (1992) и Конституция РФ (1993) юридически закрепили различия в статусе субъектов Федерации, обозначив их в виде этногосударственных (республики), этнотерриториальных (автономная область и автономные округа) и административно-территориальных образований. Система ранжирования субъектов РФ становится на рубеже XX–XXI вв. одним из ключевых оснований формирования региональной, в нашем случае республиканской, идентичности. Соответственно, одним из механизмов ее формирования (в том числе и применительно к республикам Южной Сибири) является выстраивание взаимоотношений «Федеральный центр – этнические субъекты Федерации». При этом этнический фактор и этническая идентичность используются в качестве важнейшего ресурса формирования республиканской политической идентичности.

Войдя в состав Российского государства в качестве административных территорий Хакасия (1727 г.), Горный Алтай (1756 г.), Тыва (протекторат, 1914 г., включение в состав СССР в 1944 г.), в XX столетии, в период Советской власти, прошли сложный путь национально-государственного строительства, включая статус уезда (Хакасия – 1923 г.), округа (Хакасия – 1925 г.), автономной области (Алтай – 1922 г., Хакасия – 1930 г., Тыва – 1944 г.), автономной республики в составе РСФСР (Хакасская АССР/Хакасская ССР – 1991 г., Горно-Алтайская АССР/Горно-Алтайская ССР – 1990/1991 г., Тувинская АССР – 1990 г.), обретя «максимум государственности» в форме республик в составе Российской Федерации (Республика Ха-

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, осуществленных в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Мероприятие 1.5 (III очередь) «Проведение научных исследований коллективами под руководством приглашенных исследователей в области гуманитарных наук».

касия – 1992 г., Республика Горный Алтай/Республика Алтай – 1992 г., Республика Тува/Республика Тыва – 1990/1993 г.).

В начале 1990-х гг. региональной элитой республик был актуализирован утвердившийся в советское время лозунг о праве наций на самоопределение и создание собственного, национального государства. Характер требований, выдвигаемых этнополитическими элитами в отношении центральной федеральной власти, свидетельствует о широкой практике использования функционалистского инструментария для достижения поставленных целей. В эпоху «парада суверенитетов» республики РФ сумели добиться для себя больших социально-политических и экономических выгод и преимуществ, чем преобладающая часть краев и областей. Дополнительные полномочия республики закрепили за собой в своих конституциях (Республика Хакасия (РХ), Республика Тыва (РТ) – 1993 г., Республика Алтай (РА) – 1997 г.) и других местных законодательных актах, а также в двусторонних договорах о разграничении властных полномочий между федеральными властями и властями республик, заключенных в 1990-е гг.

Главными участниками процесса формирования республиканской идентичности являлись властная и интеллектуальная элиты, определявшие стратегию политических и социальных преобразований в республиках, формирующие республиканскую идеологию. Существенное влияние на процесс суверенизации оказали национальные организации, принимающие участие в процессе конституционного строительства в республиках. В Хакасии развитие получили такие общественно-политические структуры, как Ассоциация хакасского народа «Тун», Съезд хакасского народа (Чыылыҥ) и его исполнительный орган Чон Чобі (с 2003 г. – Совет старейшин хакасских родов), Хакасское республиканское общественное движение родов хакасского народа и др. В республике Алтай – Курултай (съезд) алтайского народа, Совет зайсанов Алтая, «Эне тил» («Родной язык») и др. В Тыве – национально-радикальные группы «Народный фронт Тывы» (НФТ), Народный фронт «Хостуг Тыва» («Свободная Тува – НФХТ»), Народная партия суверенной Тывы (НПСТ) и др.

Основным направлением деятельности общественно-политических организаций стала борьба за получение статуса суверенных республик в составе российского государства, а также принятие Конституций, включающих в себя положения о разграничении прав, полномочий, предметов ведения, вопросов собственности между федеральными и республиканскими органами, защита прав и интересов титульных этносов. Хакасские общественно-политические организации участвовали и в обсу-

ждении проектов Конституции РФ и Конституции Республики Хакасия. При обсуждении проекта Конституции РСФСР поднималась проблема собственности на землю, недра, воды и другие природные объекты субъектов Федерации (ст. 58); в частности, было внесено предложение обозначить их не просто «достоянием», а «собственностью» народов, их населяющих [11, л. 25]. Кроме того, вносились предложения об изменении ст. 78 и 89 проекта Конституции, которые бы позволили достигнуть паритетного представительства в Федеральном Собрании государственных и автономных образований, с одной стороны, и административных, с другой стороны (что позволило бы учитывать «национальные интересы» республик и областей).

Следует отметить, что планы и идеи самоопределения Горного Алтая были поддержаны большей частью алтайской, казахской и русской интеллигенцией. Это нашло свое отражение в решении XI сессии областного Совета народных депутатов, состоявшейся 22 сентября 1989 г., в котором особо подчеркивалось, что «выход области из состава края – это не сепаратизм, а тем более не национализм. Эта акция имеет не центробежную силу, а направлена на укрепление РСФСР...» [12, с. 32].

Несколько иначе протекали процессы в Республике Тыва. В 1993 г. была отклонена федеральная конституция (за нее проголосовало лишь 29.8 %), а Конституция РТ, предполагающая право выхода Тывы из состава РФ, принята 53.9 % голосов избирателей. В законе «О конституционно-правовой политике Республики Тыва», принятом в декабре 1993 г., отмечалось, что действие законодательных актов Российской Федерации на основе Конституции РФ после 12 декабря 1993 г., противоречащих Конституции Тывы, на территории республики приостанавливается Верховным хуралом Республики Тыва. НТФ поднимался вопрос о проведении референдума о государственной независимости. Правительство Тывы не поддержало это требование НФТ, объясняя свою позицию экономической несостоятельностью республики, дотационностью экономики, фактическим отсутствием собственного бюджета [13, с. 2]. Деятельность национально-патриотических движений способствовала включению в Конституцию Республики Тыва (1993 г.) поправки о праве ее выхода из состава РФ. В свою очередь, принятие этой поправки лишило радикальные общественные движения, вносившие дестабилизацию в тувинское общество, одного из их главных доводов – «невозможности» реализации права нации на самоопределение [14, с. 88]. Как отмечает Ч. К. Ламажаа, деятельность новых радикальных политиков в Тыве была лишь всплеском недовольства интеллигенции на волне свобо-

домыслия; для полноценной политической деятельности у них не было опыта и альтернативной программы действий. Объединения были довольно быстро упразднены [15, с. 127]. В современном общественно-политическом дискурсе республики присутствует осознание социальных последствий выхода Тывы из состава РФ, среди которых выделяют: резкое снижение уровня жизни населения, качественных показателей системы образования; практически полное прекращение строительства жилья; сокращение производства продуктов питания на душу населения; лавинообразный отток русскоязычного населения [14, с. 88] и др.

6 мая 2001 г., в условиях усиления процессов централизации, на республиканском референдуме была принята новая Конституция РТ, определяющая правовой статус республики как демократическо правовое государство в составе Российской Федерации, который может быть изменен только по взаимному согласию РФ и РТ. Был упразднен институт президентства.

Как отмечает С. П. Москаленко, процесс укрепления общероссийской идентичности все больше делает тувинцев органичной частью российского гражданского общества [16, с. 187–188]. Сегодня для тувинцев характерна двойная идентичность: гражданин Республики Тыва и гражданин Российской Федерации.

Противопоставление «Российское государство/Федеральный центр – этногосударственные субъекты Федерации (республики)» нашло выражение в негативной оценке некоторыми представителями этнической интеллигенции присоединения Хакасии, Алтая, Тывы к Российскому государству. Присоединение в 1727 г. земель хакасского народа к России трактуется как захват русским государством территории Хакасско-Минусинского края, на территории которого проживала хакасская общность; например, отмечается, что Хакасское государство на протяжении XVII–XVIII вв. оказывало сопротивление Российской империи и не подписывало никаких соглашений или договоров о своем добровольном вхождении или присоединении к Российской империи [17; 18, с. 57]. Тема насильственного присоединения Хакасии к России поднималась в 2007 г. в ходе празднования 300-летия вхождения Хакасии в состав Российского государства и 16-летия Республики; в мае 2006 г. в канун празднования 250-летия вхождения народов Алтая в состав России. Существует и негативная оценка включения Тувы в состав СССР, трактуемая как незаконное ее включение в состав СССР [16, с. 188].

Тем не менее значительная часть этнической научной и политической элиты республик способствует созданию благоприятного климата межэт-

нического взаимодействия, формированию более объективной оценки периода пребывания этнических общностей в рамках российского государства, отмечая добровольный характер присоединения территорий к Российскому/советскому государству и преимущества данного союза на различных этапах его существования: спасение от физического уничтожения народов, сохранение исторической территории, создание условий для подъема экономической жизни, достижения в социальной области (образование, здравоохранение, культура и др.), формирование национальной интеллигенции, создание письменности, возможности включения в модернизационные процессы [19, с. 13; 20, с. 16; 21, с. 3; 22, с. 156; 23, с. 87–88, 104; 24] и др.

Для населения республик особую значимость имеет сохранение «национальной» государственности в нынешнем виде; замена национально-территориального устройства России административно-территориальным является неприемлемой. Этот факт представляется весьма важным, если иметь в виду, что в Хакасии и Алтае, в отличие от многих других российских республик, в частности Тывы, не произошел «переход власти» к представителям титульного этноса. Не находит поддержки республиканских элит, вне зависимости от их этнической принадлежности, и населения в целом идея укрупнения регионов, выдвинутая в ходе реформирования федеративной системы в начале 2000-х гг.: присоединения Хакасии к Красноярскому краю, Республики Алтай к Алтайскому краю (объединения Кемеровской области, Алтайского края и Республики Алтай) [25; 26; 27, с. 207; 28, с. 201–212].

Представителями алтайской интеллигенции провозглашалась идея создания конфедерации алтайцев, тувинцев, хакасов, якутов, бурят по противодействию укрупнению регионов; звучал призыв ко всем тюркоязычным народам выступить единым фронтом в защиту этнической государственности [29]. Политическими лидерами республик была поднята тема общности исторических судеб народов, проживающих на их территориях, и добрых традиций совместного проживания и сотрудничества. Заявляется, что отношения с Центром должны строиться на принципах подлинного федерализма, но действия Федерального центра по изъятию полномочий у субъекта не могли не вызвать у населения республики недоверия к центральным властям и внутреннего недовольства [30, с. 95–96].

Таким образом, этничность и оппозиция «Центр – республика» становятся несущими опорами всей республиканской идеологии, формирующей региональное «Я». Этнический фактор и этническая идентичность использовались в качестве важнейшего ресурса формирования республиканской политической идентичности. Обладание ста-

тусом республики расценивается представителями региональной власти, общественно-политическими деятелями, научной и творческой интеллигенцией как возможность консолидации на ее основе различных политических сил и сплочения всех социальных слоев республиканских сообществ. Более того, проблема сохранения этнической государственности становится основанием для консолидации тюркоязычных народов Саяно-Алтая, осознания общности исторических судеб и региональных интересов в противовес власти Центра.

Заметное влияние на формирование этнического самосознания титульных этносов и регионального сознания тюркоязычных народов Южной Сибири оказывает и этнокультурный фактор. Тема единства тюркоязычных народов в рамках южно-сибирской региональной общности приобретает особое звучание на уровне проблемы религиозного «самоопределения» хакасов, алтайцев и тувинцев. Материалы исследования позволяют выделить разнонаправленные тенденции, свидетельствующие о неоднозначном влиянии религиозного фактора на формирование этнического и регионального самосознания тюрков Южной Сибири. С одной стороны, по вопросу о традиционной религии, как в кругах национальной интеллигенции, так и среди коренного населения республик в целом, не существует единого мнения, что в определенной степени ослабляет процессы внутриэтнической консолидации. С другой стороны, в процессе религиозного «самоопределения» республиканскими элитами актуализируется тема принадлежности к единой историко-культурной общности тюркоязычных народов Саяно-Алтая, что способствует укреплению регионального самосознания на уровне Южно-Сибирского региона.

В качестве традиционной религии хакасов сегодня рассматриваются шаманизм, тенгрианство и бурханизм. Особая роль в консолидации этноса и возрождении его духовной культуры отводится шаманизму [31, с. 102]. В 1990-е гг. сотрудниками Хакасского научно-исследовательского центра языка, литературы и истории были начаты исследования в области традиций шаманизма; на базе Хакасского культурного центра проводились и внедрялись реконструкции старинных шаманских обрядов. В 1994 г. было зарегистрировано Общество традиционной хакасской религии. Во многих местах Хакасии, в том числе и в Абакане, возрождаются локальные культовые места, появляются практикующие шаманы. По опросам, проведенным Обществом традиционной хакасской религии, в 1996 г. шаманистами считали себя уже 26 % хакасов. Многие полагают, что для хакасов нехарактерен шаманизм в его классической форме, а их традиционной религией является тенгрианство, поклонение

Небу (Хан Тигир). В 2000 г. в пользу тенгрианства высказались 26.2 % делегатов VIII съезда хакасского народа, в пользу шаманизма – 22.1 % [32, с. 118–119]. По мнению В. Я. Бутанаева, национальной религией хакасов следует считать бурханизм – Ах-Чаян (Белая вера) с идеей монотеистического божества – Ах-Худая (Белого творца), сформировавшийся на базе древних шаманских культов под влиянием зороастризма, раннего буддизма и позднего христианства [33, 34]. Ученый предлагает Ах-Чаян в качестве основы возрождения духовной культуры хакасов, что вызывает резкую ответную реакцию со стороны приверженцев шаманистских верований.

Реальность религиозной ситуации в современной Хакасии оказывается еще более сложной. По опросам 1996 г., 50 % хакасов назвали себя православными. А в ходе социологического опроса 2001 г. 53 % сельских учителей-хакасов отнесли себя к «двоверцам» – тем, кто одновременно придерживается и христианства и шаманизма [32, с. 119]. Национальной интеллигенцией религиозная разобщенность современных хакасов воспринимается как угроза этническому единству. Вызывает серьезные опасения у представителей этнической интеллигенции и активизация деятельности христианских концессий, наблюдаемая сегодня в отношении хакасского народа.

В противовес сложившейся ситуации все более широкое распространение среди хакасов получают мифы о конце христианского мира и возрождении «своей веры» и традиционного миропорядка. Одним из таких мифов является легенда о Тадар-хане, могучем кагане всех тюрков, который позволил поцарствовать Ах-хану (Белому царю), пока он отдыхает (спит). Но когда Ах-хан станет забирать в солдаты тюрков, его время безвозвратно кончится. Тадар-хан проснется и будет властвовать вечно, а его народ станет благоденствовать [35, с. 20]. Можно наблюдать и ситуацию формирования новых мифов, в одном из которых, например, повествуется о явлении в последние годы некоторым представителям хакасской интеллигенции Матери всех тюрков – Чир-ине. «В своей песне Чир-ине говорит, что когда-то она родила сыновей – тюрков, которые расселились по всему миру, сама же она осталась у старшего самого сына – Хакаса, надеясь на долгую и безбедную жизнь. Но сын не сумел ей этого обеспечить. <...> Если сын ее, хакасский народ, не восстановит свою веру, язык, культуру, не вернет на свои места священные камни, не сохранит свою землю, она умрет. Но вместе со смертью Души нашего народа погибнет и весь тюркский народ» [35, с. 20].

Вместе с возрождением шаманизма анимируется практика решения проблем хакасского народа

посредством культовых форм помощи и поддержки. Так, в сентябре 1998 г. в Аскизском районе в период празднования в республике Дней тюркской письменности был проведен обряд поклонения Белой волчице (согласно легендам, зафиксированным в китайских средневековых летописях, – прародительнице тюркских народов). Участники обряда просили прощение за грехи: «...мы забываем язык, традиции, наши женщины мало рожают детей, народ все больше обращается в пьянство и наркоманию... Это значит, что мы не почитаем свои древние религии, мы забываем своих богов» (цит. по: [36]). «Вдохнув новую жизненную силу в Белую волчицу, – пишет А. Султреков, – они как бы возвращали реликвию тюркских народов тюркам, ибо она являлась их праматерью» [там же].

Тема единства тюркоязычных народов обнаруживает себя на уровне религиозного «самоопределения» тувинцев и алтайцев. Верующие тувинцы в основном являются приверженцами шаманистской и ламаистской религиозных традиций (тибетский вариант буддизма, пришедший через Монголию и укрепившийся в Туве с XVIII в.). С начала 1990-х гг. в Тыве предпринимались целенаправленные попытки создания религиозных объединений и восстановления утраченных традиций. Создавались шаманские общества «Дунгур» («Бубун»), «Тос Дээр» и местные религиозные организации шаманов. Разветвленную организационную структуру в республике имеет ламаистская община. Все буддийские организации республики входят в Централизованное управление Камбы-ламы Тувы [37]. Среди тувинцев, так же как и хакасов, отмечается и феномен двоеверия, проявляющийся, по мнению В. К. Пименовой, в «двойной буддийско-шаманской практике клиентов» [38, с. 23] – обращении тувинцев при осуществлении обрядовой деятельности и к ламе, и к шаману.

Проблема сосуществования шаманистской и буддийской религиозных и культурных традиций, и соответственно, ориентации Тувы и тувинцев на тюркский или буддийский мир остается неразрешенной как в научном, так и в общественно-политическом дискурсе. Сложность проблемы отражает эволюция взглядов Ч. К. Ламажаа (Даргын-оол), одного из ведущих специалистов по современной истории тувинского народа. В 2002 г. она отмечает, что по своим историческим и культурным параллелям Тува имеет две направленности к мировым центрам притяжения: тюркскому и буддийскому. При этом исследовательница пишет: «Ориентация Тувы на тюркский мир нереальна, так как огромное количество тюркских народов имеют традиции принадлежности к исламской цивилизации. Такая разница культурных миров не дает оснований говорить о реальном тяготении Тувы к тюркскому

центру. Более очевидна связь между Тувой и другими буддийскими территориями» [8, с. 118]. В публикации 2008 г. мы встречаем: «Тувинцы тяготеют к буддизму, почитают Далай-ламу, но при этом остаются шаманистами. Тувинский язык, один из древнейших тюркских языков, роднит тувинцев с культурой Южносибирских тюрков, приближая к современному тюркскому культурному миру, ныне преимущественно мусульманскому, и отдаляя от монгольского-буддийского мира. Заметим, что подобной культурной разнонаправленности нет у других российских монголоязычных буддистов» [39, с. 49–50]. Несмотря на отмеченную «культурную разнонаправленность», в последнем случае Ч. К. Ламажаа (Даргын-оол) обозначает тяготение тувинцев к тюркскому миру.

Сегодня получает развитие идея консолидации тюркских народов Южной Сибири на основе буддизма (например, озвученная Н. В. Абаевым в рамках предложений по выработке геополитической стратегии России): «Через российский буддизм возможно резкое усиление влияния России не только в Европе и Америке, но и в огромном тюркском мире, который сейчас практически полностью исламизировался за исключением тюркских республик Азиатской России, причем в одной из них – Туве – буддизм является традиционной религией еще со времен империи гуннов и Уйгурского каганата. <...> Тува и другие республики Саяно-Алтая могут сыграть выдающуюся роль в возрождении буддизма в центре Евразии, где он был в средние века (до ислама) распространен на протяжении всего Шелкового Пути... и его исповедовали предки современных тувинцев, алтайцев, хакасов, уйгуров, афганцев, казахов, киргизов и многих других тюркоязычных и иранских народов» [40, с. 11].

Что касается приверженцев конкретных религиозных традиций, то их позиция весьма очевидна. Например, на вопрос о состоянии буддизма на тувинской земле Камбы-лама Тувы в 2010 г. ответил следующее: «Что касается буддийского развития, Тува несколько отстает от Бурятии и Калмыкии; подобно младшему брату мы спрашиваем совета у старших братьев – бурятов и калмыков» [37]. В данном случае четко прослеживается ориентация тувинцев-ламаистов на «старших братьев» – Бурятию и Калмыкию, на интеграцию в культурно-религиозное пространство «российского» буддизма.

Алтайцам также с давних пор присущ поликонфессионализм; среди них есть приверженцы шаманизма, православия и бурханизма (разновидность шаманизма в сочетании с элементами христианства и тибето-монгольского буддизма). При этом весьма прочные позиции на Алтае занимает шаманизм, имеющий огромное число приверженцев в

республике. Бурханизм начал распространяться среди алтайцев в начале XX в. и обрел название «Белой веры» (Ак тяан). Как отмечает А. М. Сагалаев, слово «бурхан» употреблялось тюрками в значении «божество», из буддизма алтайцы заимствовали лишь некоторые предметы культа, элементы буддистской обрядности; главным мифологическим источником бурханизма стала местная духовная культура [41, с. 164]. Однако в общественном сознании осуществляется отождествление бурханизма с буддизмом, а Бурхана – с Материей – грядущим Буддой. Как отмечается, идея бурханизма заключается в ожидании Белого Бурхана – мудрого правителя, который должен прийти на Алтай и освободить его от иноземных захватчиков. Согласно мифологии, вестником Бурхана должен выступать хан Ойрот – священная личность для всех тюркских народов. Последний сюжет оказывается для нас особенно интересным – в «новом учении» произошло оживление персонажей тюркского исторического фольклора.

Мысль о том, что «постоянной» (а следовательно, главной) религией алтайцев издавна был буддизм, представители радикально настроенной национальной интеллигенции стали настойчиво проводить в жизнь в постсоветский период [42, с. 66–67]. В Горно-Алтайске, столице Республики Алтай, с целью возрождения «алтайской формы буддизма» (бурханизма) создана организация «Ак-Бурхан» [43], стремящаяся к превращению ее в общеалтайскую религию.

Несмотря на отмеченный поликонфессионализм и имеющееся противостояние между алтайцами – представителями различных религиозных течений, чувство принадлежности к тюркскому миру обеспечивается весьма устойчивыми позициями шаманизма и преемственностью шаманистской традиции и бурханизма. В то же время имеющая место со стороны этнической интеллигенции попытка представлять бурханизм в качестве тибетской ветви буддизма (ламаизма) может означать попытку ориентации на буддистский мир.

Таким образом, религиозный фактор оказывает непосредственное влияние на формирование регионального сознания титульных этносов республик Южной Сибири, что проявляется на двух уровнях. Во-первых, на уровне осознания хакасами, алтайцами и тувинцами своего единства в рамках историко-культурной общности тюркоязычных народов Южной Сибири, а также стремления к интеграции в общетюркское языковое и культурное пространство в целом. В этом случае в качестве объединяющей основы выступает приверженность части коренного населения южно-сибирских республик шаманизму. Во-вторых, на уровне попыток обоснования общности народов в рамках буд-

дистской религиозной традиции и стремления интеграции в буддистско-монгольское культурно-историческое пространство. Основой для этого становится ламаизм в Тыве, бурханизм в Республиках Алтай и Хакасия, а также указание на выдающуюся роль буддизма в центре Евразии (в доисламские времена) на территории проживания предков современных хакасов, алтайцев и тувинцев.

Тема интеграции и сотрудничества с регионами общего культурно-исторического ареала имеет и внешнеполитический аспект. В научном сообществе республик поднимается вопрос о ключевой роли Южно-Сибирского региона в формировании геополитической стратегии Российской Федерации.

Как отмечают А. В. Иванов и Н. С. Модоров, Россия являет собой особый культурно-географический мир. «Это – евразийский многонациональный мир-материя» [44, с. 184]. Они обосновывают необходимость переноса центра тяжести российской геополитики на Восток и создания стратегического «Евразийского континентального союза» (ЕКС), несущим каркасом которого должен стать треугольник Россия – Индия – Китай. Исходя из современной внешнеполитической ситуации, по мнению авторов, именно Саяно-Алтайскому региону предстоит сыграть далеко не последнюю роль в этом процессе. Геополитическое положение Алтая, Саяно-Алтайской горной страны в целом определяется как ключевое. «Кому, как не ему – общепризнанному “географическому «Сердцу Азии»” стать центром ЕКС, “Ноосферным сердцем”, и выйти на надгосударственные, надэтнические и надрелигиозные формы совместного решения актуальных экономических, культурных и природоохранных проблем» [44, с. 189]. Для того чтобы реализовать данную стратегическую идею, пишут авторы, необходимо решить несколько задач тактического характера, в том числе: развитие интеграции Саяно-Алтайских стран и этносов на правительственном и неправительственном уровнях с целью создания в будущем единых органов (сначала общественных, а потом и надгосударственно-политических) для координации различных видов деятельности в регионе. Политико-мировоззренческими мотивами подобной духовно-экологической (ноосферной) интеграции, по их мнению, должны стать евразийские идеи, пронизывающие духовное наследие и жизнь народов Саяно-Алтая. Если Тыва в общественно-политическом и научном дискурсах республики позиционируется как центр Азии, то Алтай, в данном случае, как центр евразийского материка, политическое, этнокультурное и биосферное сердце Старого Света.

Алтайские исследователи Н. В. Абаев и А. Г. Колмаков считают, что при формировании внешнеполитической стратегии необходимо учитывать этно-

конфессиональные проблемы и их взаимосвязь с этнополитикой, а также с геополитикой. По их мнению, буддизм составляет единственную реальную альтернативу засилью ислама в «Новой» Центральной Азии (бывшей Средней Азии) и только тибетский буддизм может остановить его наступление на «старую» исконную Центральную Азию (Монголия, Бурятия, Тыва). Н. В. Абаев отмечает необходимость пропаганды идеи о том, что Россия является самым главным оплотом евразийской цивилизации, защитником подлинно евразийской религии – буддизма. Тыва и другие республики Саяно-Алтая, пишет исследователь, могут сыграть выдающуюся роль в возрождении буддизма в центре Азии [45].

Проблема формирования региональной идентичности населения на уровне Южно-Сибирского культурно-исторического ареала, с одной стороны, может определять внешнеполитические риски РФ (чрезмерная обособленность региона и ориентация на внешние центры этнокультурного притяжения), с другой стороны, проявляется стремление региональной интеллигенции определять векторы внешнеполитической стратегии, основываясь на выгодном геополитическом положении региона, отмечая

его ключевую роль в формировании российской геополитики.

Сравнительный анализ этнополитического и этнокультурного аспектов процессов формирования региональной идентичности в республиках Хакасия, Алтай, Тыва позволяет констатировать наличие общих тенденций и выявить влияние этнического фактора на формирование двух уровней регионального самосознания: «республиканская» идентичность (для всего населения республик вне зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности) и региональная идентичность на уровне Южно-Сибирского региона РФ (для титульного населения республик; идентичность, формирующаяся на основе осознания хакасами, алтайцами и тувинцами принадлежности к общетюркскому или буддистско-монгольскому историко-культурному ареалу). В целом процессы формирования региональной идентичности в республиках Хакасия, Алтай и Тыва имеют позитивную направленность и призваны способствовать консолидации населения на республиканском уровне и усилению межэтнических связей внутри историко-культурной общности тюркоязычных народов Южной Сибири.

Список источников и литературы

1. Корепанов Г. С. Региональная идентичность: социокультурный и социоэкономический подходы. URL: [http://www.proceedings.usu.ru/mag/0065\(01_\\$03-2009\)/a29.pdf](http://www.proceedings.usu.ru/mag/0065(01_$03-2009)/a29.pdf)
2. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: мат-лы IV Конвента РАМИ: в 10 т. Т. 2: Идентичность и суверенитет: новые подходы к осмыслению понятий* / под ред. И. М. Бусыгиной. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 81–107.
3. Петров Н. Формирование региональной идентичности в современной России // *Центр и региональные идентичности в России* / под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. СПб., 2003. С. 125–187.
4. Мелешкина А. С. Региональная идентичность как фактор становления региональных политик в Российской Федерации // *Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки*. 1999. № 6. С. 48–59.
5. Сагитова Л. В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан). URL: <http://tataroved.ru/institut/etnolog/publ/1/>
6. Албанви А. Южнодагестанская региональная идентичность. URL: http://lezghins.com/index.php?option=com_idoblog&task=viewpost&id=568&Itemid=0
7. Чойропов Ц., Голубев Е. У забайкальцев особая гордость. URL: <http://www.789.ru/new/?id=4306>
8. Даргын-оол Ч. К. Культурно-антропологические факторы регионального развития (на примере Тувы): дис. ... канд. филос. наук. 09.00.11. М., 2002. 137 с.
9. Евстигнеев Ю. А. Соотношение региональной и этнической идентичности (на примере жителей Хакасии). URL: http://www.utopiya.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&catid=50:2010-04-05-13-59-24&id=442:2010-04-13-13-36-51&Itemid=204
10. Грошева Г. В. Этническая государственность как фактор формирования региональной идентичности (на примере Республики Хакасия 1990-х – 2000-х гг.) // *Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University)*. Вып. 9 (99). 2010. С. 125–131.
11. Филиал ЦГАРХ. Ф. 884. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.
12. Жуков А. В. К вопросу о самоопределении Горного Алтая (1917–1991 гг.) // *Горный Алтай. Ист. сб. Вып. 5. Горно-Алтайск – Бийск: РИО ГАГУ*, 2005. С. 31–33.
13. Связи с Россией ослабить нельзя (Беседа с советником Президента Республики Тыва по национальным и политическим вопросам В. Б. Богай-оолом) // *Тувинская правда*. 1993. 13 апр. С. 1–2.
14. Балакина Г. Ф., Анайбан З. В. Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск: Наука, 1995. 140 с.
15. Ламажаа Ч. К. Клановость в политике регионов России: тувинские правители. СПб.: Алетей, 2010. 20 с.
16. Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX веке. М.: Наука, 2004. 222 с.

17. Чертыков М. О 300-летию потери государственности енисейскими кыргызами. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1063659240>
18. Ултургашев С. П. К вопросу о формировании хакасской политической нации // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития: сб. мат-лов республ. науч. конф. «Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития». Абакан, 1998. С. 53–57.
19. Штыгашев В. Н. 290 лет в составе России // Там же. С. 7–13.
20. Анжиганова Л. В., Анжиганова Е. В. Этнополитическое развитие хакасского народа в начале XXI века // Власть и общество. Межрегион. науч.-практ. конф. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2003. С. 14–19.
21. Сат С. Ч. Развитие политической системы Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.). Кызыл, 2010. 85 с.
22. Ондар Л. М. Этапы развития национального самосознания тувинцев // Россия и Тува: 60 лет вместе. Ч. II: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию вхождения Республики Тыва в состав Российской Федерации и 90-летию основания Кызыла. Кызыл: Тувинский ин-т гуманит. иссл-й, 2001. С. 152–156.
23. Модоров Н. С. Поворотный пункт в истории алтайского народа (К 250-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав России) // Горный Алтай. Ист. сб. Вып. 10. Горно-Алтайск – Бийск: РИО ГАГУ, 2005. С. 85–106.
24. Модоров Н. С., Моисеев В. А. Еще раз о возможной альтернативе российскому подданству // Коренные народы Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем: мат-лы междунар. науч. конф. Горно-Алтайск, 17–19 октября 2006 г. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. С. 11–24.
25. Виктор Зимин провозгласил независимость Хакасии. Объединение с Красноярским краем откладывается // Коммерсантъ: электронная версия газеты. 22.01.2009. № 10 (4065). URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1106296&NodesID=2>
26. Присоединение Хакасии к Красноярскому краю: взгляд местных политиков. URL: http://www.19rus.info/news.php?news_id=33077
27. Эшматова Г. Б. Развитие суверенитета в массовом сознании населения Республики Алтай (по материалам социологических исследований 2002–2005 гг.) // Социальные процессы в современной Западной Сибири: философские, политологические, культурологические аспекты: мат-лы VIII регион. науч.-практ. конф. «Социальные процессы в современной Западной Сибири: философские, политологические, культурологические аспекты». г. Горно-Алтайск, 22–24 июня 2007 г. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт» ГАГУ, 2007. С. 204–207.
28. Малчинов А. С. Конституционное развитие Алтая: от уезда к республике (государственно-правовые вопросы). Горно-Алтайск, 2007. 238 с.
29. Будет ли создана конфедерация по противодействию укрупнению регионов? // Листок. 2006. 34 (368). 23 авг. С. 3.
30. Кыпчакова Л. В. Республика Алтай: тенденции развития ситуации // Социальные процессы в современной Западной Сибири: философские, политологические, культурологические аспекты: мат-лы VIII регион. науч.-практ. конф. «Социальные процессы в современной Западной Сибири: философские, политологические, культурологические аспекты». г. Горно-Алтайск, 22–24 июня 2007 г. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт» ГАГУ, 2007. С. 94–97.
31. Кидиекова И. К. Традиционные культурные ценности как ориентир государственной политики в Республике Хакасия // Республика Хакасия как субъект Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы: мат-лы III республиканской науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию Республики Хакасия. 29–30 июня 2001 г. Абакан, 2001. С. 102–103.
32. Анжиганова Е. В. Особенности религиозного сознания хакасов на рубеже веков // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий». 6–12 октября 2001 г. Абакан, 2002. С. 118–120.
33. Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003. 260 с.
34. Бутанаев В. Я. Киргизское государство и древние религии Центральной Азии // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и развития. Иркутск, 2004. Вып. 3. С. 54–59.
35. Анжиганова Л. В., Анжиганова Е. В. Хакасы во времени и пространстве. Абакан, 2001. 71 с.
36. Султреков А. Поклонение Белой волчице // Хакасия. 1998. 24 сент. С. 7.
37. Камбы-лама Тувы призвал буддистов Бурятии, Калмыкии, Тувы принять посильное участие в строительстве храма на Поклонной горе. URL: http://www.tuvaonline.ru/2010/01/28/4016_lama.html
38. Пименова К. В. Возрождение и трансформация традиционных верований и практик тувинцев в постсоветский период (основные проблемы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 32 с.
39. Ламажаа (Даргын-оол) Ч. К. Политическая культура Тывы // Полис. 2008. № 4. С. 48–54.
40. Абаев Н. В. Тюрко-монгольские народы Саяно-Алтая и Центральной Азии в геополитическом пространстве России-Евразии и перспективы развития Российско-Евразийской цивилизации // Социальные процессы в современной Западной Сибири: философские, политологические, культурологические аспекты: мат-лы VIII регион. науч.-практ. конф. «Социальные процессы в современной Западной Сибири: философские, политологические, культурологические аспекты». г. Горно-Алтайск, 22–24 июня 2007 г. Горно-Алтайск, 2007. С. 7–12.
41. Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. 76 с.
42. Модоров Н. С. Межконфессиональные отношения в Горном Алтае: состояние, проблемы, пути их преодоления // Горный Алтай. Ист. сб. Вып. 7. Горно-Алтайск – Бийск: Универ-Принт, 2003. С. 63–69.
43. Буддизм в Республике Алтай. URL: <http://buddizm.gorny-altai.ru/index.php>
44. Иванов А. В., Модоров Н. С. Евразийство, геополитика и Алтай // Горный Алтай: история, современность, перспективы: сб. науч. статей. Горно-Алтайск: РИО, 2003. С. 183–190.

45. Колмаков А. Г., Абаев Н. В. Роль ислама и буддизма в развитии геополитической ситуации в Центральной Азии // Социальные процессы в современной Западной Сибири: философские, политологические, культурологические аспекты: мат-лы V регион. науч.-практ. конф. «Социальные процессы в современной Западной Сибири: философские, политологические, культурологические аспекты». г. Горно-Алтайск, июнь 2004 г. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004. (169 с.) С. 11–15.

Грошева Г. В., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: groshevagv@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 27.08.2012.

G. V. Grosheva

THE REGIONAL IDENTITY AT THE LEVEL OF THE RUSSIAN FEDERATION ETHNIC NATIONHOOD CONSTITUENT TERRITORIES AT 20–21ST CENTURY (REPUBLICS OF KHAKASSIA, ALTAI AND TUVA)

The article is devoted to the study of the regional identity formation processes at the level of the Russian Federation ethnic nationhood subjects in the context of maintenance of ethnopolitical and ethnosocial stability. The principal trends of the regional identity formation with the Republics of Southern Siberian (Khakass, Altai, Tuva) as examples are revealed. The role of the ethnopolitical and ethnocultural factors in the regional self-consciousness people formation of Southern Siberian Republics of the Russian Federation is determined.

Key words: *regional identity, ethnic nationhood, Republic of Khakassia, Republic of Altai, Republic of Tuva, modern ideology of turco-lingual peoples of Southern Siberian, Khakass ethnos, Altai ethnos, Tuva ethnos.*

Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: groshevagv@tspu.edu.ru